

Нити Надежды

...Это я не достаю до пола ногами или пол до моих ног не достаёт?.. Семилетняя я сижу за большим обеденным столом в гостиной и болтаю ногами взад-вперёд, вперёд-назад. Передо мной раскиданы карандаши, фломастеры: желтые, красные, синие. Белые полости на листке постепенно исчезают, и начинает вырисовываться из-под локтей незамысловатый рисунок — четко выведенный корабль с алым парусом, длинные витиеватые синие линии в роли моря и много чёрных галочек-чаек.

—Мама, готово!

Детские годы — это пора буйства красок и каравеллы чувств, когда мама становится сильнее всех в мире и деревья кажутся в два раза больше, чем обычно. Пора, когда егозой называли только со значением положительным, чтобы слегка усмирить излишнее любопытство. Таким было мое детство, и таким остаётся мой внутренний ребёнок.

Мама всегда хотела, чтобы мое воображение впитывало и развивалось благодаря мастерству писательского слова. Мой излишний интерес к окружающему миру обычно дополнялся моей вредностью и отстаиванием своего мнения. Читать я не любила, а слушать и делать себя настоящим героем романа, пусть только в голове, мне нравилось больше.

Январский вечер со стоящими за окном крещенскими морозами опустился на наш уральский городок. Я облокотилась на подоконник, а через стекло - только непроглядная тьма, небо усеяно белыми огоньками, словно играющими с тобой в прятки. За спиной я слышала шаги. Это точно мама пришла выключить свет перед сном.

—Мам, а когда уже лето? — с тяжелым выдохом сказала я, уткнувшись носом в окно так, что на стекле появился запотевший участок.

—Да долго до него же ещё. — Мама нарисовала на окне маленькое сердечко, опустила тёмные шторы-плиссе и присела рядом с моей кроватью, заметив мое невеселое настроение. Она приподнялась и долго и упорно что-то искала на моей книжной полке, которую пополняла обычно только мама.

—Нашла, смотри! — радостно сказала мама и показала мне небольшую книжку в темно-синем переплете и белым парусом на обложке. Именно так, как я люблю.

—Тень Ка-ра-вел-лы, — прошептала по слогам я.

— Мы с тобой тогда читали и не дочитали, даже закладка осталась, а тут до конца совсем ничего. — Мама перевернула страницу.

«- ...Там, где ляжет Тень Каравеллы, будут трудные дороги, соль разъест на ладонях кожу, морозы сожгут лицо, солнце обуглит плечи. Тысячи загадок лишат человека покоя и сна. Но не будет вам в жизни уныния и ленивой скуки...»

Так началось мое знакомство с ним — капитаном моего детства, Владиславом Крапивиним. Мне также, как Владу и Павлику, хотелось искать и находить, осуществлять бумажным корабликом по огромной карте с полушариями собственноручно проложенные маршруты. И я завидовала мальчишкам, грызла ногти и кусала локти, я так хотела подсказать им нужный путь в расправе с немецким капитаном и разделить суету у географической карты. И как горько я пережила разрыв настоящей дружбы, и как метко указывал капитан моего детства на хрупкость и осторожность любых поступков. Я читала, зачитывалась, так и хотелось стать героем только этого романа. Я выросла, а мне всё **нужна** была эта карта, чтобы ночью рассматривать и проводить в своей «каюте»

кругосветные путешествия по морям, океанам, материкам и островам. И у меня уже давно появилось стойкое ощущение, что все люди вокруг связаны невидимой красной нитью жизни, которая ощущается через неловкие касания, разговоры и взгляды. Обычно красными стрелками указывали направления и вектор развития перемещений на маршрутных листах и политических картах. Школьный кабинет географии всегда открывал для меня новые миры, ведь куда бы я ни направила свой взгляд в «нудные» моменты урока, вокруг всегда были объекты с неизведанной информацией. И мне всегда хотелось считать горящими глазами самые маленькие страны с политической карты, найти сложно выговариваемое название с физической и в очередной раз рассмотреть стену, усеянную портретами великих путешественников. Там я вспоминала своё детское желание иметь настенную карту, когда-то ценную находку для Павлика и Владика. Именно этот трепет сохранился у меня с первого урока в пятом классе, и, приходя из года в год в кабинет под номером сорок пять, я не перестаю по-детски удивляться.

- Мария Сергеевна, но это же так сложно! - крикнул Ваня с последней парты ближе к концу первого урока географии в пятом классе.

Да, нетипичные слова для первого урока совсем нового предмета. Ведь правда, что на простые вещи так не реагируют? На тот момент мне показалось, что это был очень смелый поступок. На доске красивым почерком еще не знакомая нам учительница писала дату и тему урока. Мария Сергеевна развернулась к классу лицом, а позади нее, как бы играя со мной в прятки, притаилась выведенная мелом какая-то сложная фамилия.

- Дети, я надеюсь, вы понимаете, что мы не сразу начнем изучать строение тектонических плит, расположение стран и городов. Наш первый урок мы начнем с изучения того события, которое повернуло развитие отечественной географии на сто восемьдесят градусов. Вы мне сейчас с легкостью скажете, что Сахалин – это полуостров, но в этом долго не было уверенности, и отбросить свои сомнения исследователи смогли только в начале девятнадцатого века. Открывайте свои тетрадки, записывайте дату и тему, которую я продиктую еще раз: «Первое кругосветное плавание под руководством Ивана Федоровича Кру-зен-штер-на».

Мария Сергеевна, как волшебница, раскрывающая перед изумленным путником свое чудодейственное покрывало, развернула на доске карту мира, взяла в руки красный маркер и поставила точку.

- Кронштадт. С этого города, мои путешественники, и начинается Великая кругосветка. К 1803 году, уже опытный мореплаватель Крузенштерн, знал, что его корабль будет называться «Надежда», а под командованием капитан-лейтенанта Юрия Федоровича Лисянского отплывала опытная «Нева». Из Кронштадта корабли держали курс на Копенгаген....

Следующая точка была поставлена на Копенгаген, и далее по маршруту следования: Фалмут, Канарские острова, Бразилия, Остров Пасхи, Маркизские острова, Гавайские острова, Петропавловск-Камчатский, Нагасаки, Южно-Сахалинск, Гуанчжоу, Азорские острова, Портсмут. Карта на доске так и была усеяна красными пятнами, глаза метались от одного континента к другому, а некоторые названия были настолько сложными, что было тяжело выговорить и запомнить, так же тяжело, как Владика и Павлику когда-то. ...Кейптаун, Тасмания, мыс Горн – целый симфонический оркестр из названий играл сейчас свою непонятную, но такую завораживающую музыку.

Мария Сергеевна стала соединять проставленные координаты, и на доске появилась закольцованная алая линия, вернувшаяся к своей точке начала: Кронштадт. Эти красные

стрелки показались мне не чем иным, как той нитью жизни, которая соединяет людей разного пола и нации, зеркалом эпохи того времени, всепоглощающим стремлением и надеждой изучать и уточнять то, что, казалось бы, уже и так предопределено на карте. Зачем нужно еще одно кругосветное путешествие, если был Фернан Магеллан и Джеймс Кук?

- Дети, помимо налаживания дипломатии с Японией, проводились труднейшие исследования при помощи нового оборудования. Это тома архивной информации, это отражение мира два столетия назад! – Мария Сергеевна выдержала небольшую паузу и четкой скороговоркой добавила следующее: 7 августа 1806 года экспедиция вернулась в Кронштадт, совершив путешествие в 3 года и 12 дней.

До конца урока оставались считанные минуты, Мария Сергеевна успела закончить свой яркий и наполненный монолог. Именно в такие моменты класс, словно увязший в тине, пытается переварить содержательный урок, и в кабинете наступает минутная тишина.

- Мария Сергеевна, но это же так сложно! - крикнул Ваня с последней парты ближе к концу первого урока географии в пятом классе. Учительница стояла, опершись на стену левым боком и немного потупив глаза в пол. Вдруг она медленно подняла длинные ресницы от своего объекта исследования на полу и сказала уже спокойным голосом:

- Ваня, это была его детская мечта...

- Аня, назови мне все африканские монархии и их столицы

Только на этих словах я пришла себя и сконцентрировала свое внимание на сентябрьском уроке географии в десятом классе. Бешеный поток времени и сложная адаптация в новом коллективе погружают меня в собственные мысли порой не в те моменты, когда это следует делать. Я оторвала ватную голову от учебника, африканские монархии в этот момент меня уже мало интересовали. Чтобы немного прийти в себя, повернула свою голову к стене и увидела теплый и мягкий взгляд этого героического человека, Ивана Федоровича Крузенштерна. В этот момент я снова испытала то непреодолимое желание жить и чувствовать, стремиться к неизведанному и верить в мечту, которое появилось с того самого первого урока географии, с тех кругосветных походов через строки литературных произведений Крапивина...

«... Там, где ляжет Тень Каравеллы, зашумят над волнами наши паруса и защелкают флаги. Там, где ляжет Тень Каравеллы, мы пройдем сквозь тяжелые удары выстрелов и штормовое завывание ветров.

Там, где ляжет Тень Каравеллы, будут трудные дороги, соль разъест на ладонях кожу, морозы сожгут лицо, солнце обуглит плечи. Тысячи загадок лишат человека покоя и сна. Но не будет там в жизни уныния и ленивой скуки».

Я поняла, что и через двести двадцать лет спрошу, как русскому человеку хватило решимости соединить нити «Надеждой» в одно Великое путешествие?